

АНТРОПОНИМЫ В БАЛЛАДЕ «ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ» В ПЕРЕВОДЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

В балладе Ф. Шиллера «Die Kraniche des Ibykus» (1797) мир Древней Греции представлен множеством собственных имен: топонимов, этнонимов, теонимов и т.п. Анализ того, как именно передавал их в своем переводе В. А. Жуковский, представляет собой особую задачу¹. Здесь предметом рассмотрения будет передача В. А. Жуковским антропонимов — имен героя баллады и его антагониста. Хотя сам перевод «Ивиковых журавлей» не раз становился объектом тщательного анализа [Брандт], этот аспект не попадал в фокус внимания исследователей.

Действительно, представление В. А. Жуковским имени *Ibykus* как *Ивик* кажется естественным — настолько оно соответствует традиции передачи греческих собственных имен славянами, идущей со времен князя Владимира (в крещении *Василия*). Как известно, древнегреческий звук, обозначаемый β и передаваемый в латинском *b*, в VII веке (в византийское время) перешел в *v* [Суперанская: 36]. Поэтому древнегреческие имена с *b* передаются в русской традиции с *v*, а в западноевропейских языках, ориентирующихся на латинскую традицию (отражающую древний период греческого языка), сохраняют *b*. Напр., во французском языке соответствием имени *Василий* является *Basile* (из латинского

---

¹ Напр., он обозначает «Царство теней» Шиллера гидронимом Коцит — рекой, отделяющей Аид: «Терзать вас будем до Коцита» — bis zu den Schatten. Река Коцит в «Ивиковых журавлях» Шиллером не упоминается. «Kekrops' Stadt» — «город Кекропса» у Шиллера Жуковский называет более известным именем Афины: «Пришли отсюда: от Афин» [Жуковский: 2, 39].

Basilius, отражающего древнегреческое βασιλεύς «царь, властелин, повелитель, предводитель»).

Второй гласный в имени *Ibykus* отражает немецко-латинскую традицию передачи древнегреческой гласной υ, обозначавшейся буквой υ ψιλόν, гласной переднего ряда верхнего подъема с лабиальным признаком. В византийское время лабиальный характер этого гласного утратился, и он совпал с *i*. Поэтому, напр., греческое имя *Γλυκερία* от γλυκύς («ласковая, приветливая, кроткая») стало в русском языке *Гликерией* (в «народном» варианте *Лукервией*), а *Εὐφροσύνη* («радость» — имя одной из трех Харит) отразилась как *Ефросиния*.

Имя *Ibykus* у Шиллера (с заменой *b* на *v* и *y* на *i*) передано В. А. Жуковским так, как будто оно известно по крайней мере со времен крещения Руси², а, может быть, и вообще с VII века н.э.

Имя убийцы Ивика Шиллер вводит в текст в самый драматичный момент. Он ставит его в соответствии с «законом семантического выдвигания конца» стихотворного ряда [Тынянов] в конце соответствующих строк:

Sieh da! Sieh da, Timotheus,
Die Kraniche des Ibykus! [Schiller: 754].

Рифмуя это имя с именем поэта, «друга богов» Ивика, Ф. Шиллер усиливает противостояние и этих имен, и тех сил, которые они воплощают. Убийца, изувечив лицо Ивика, бросив его тело «без погребенья», пошел смотреть «бег коней» — на Истмийские игры в честь Посейдона.

Ф. Шиллер характеризовал убийцу Ивика как: er ist ein roher dummer Kerl³. В. А. Жуковский переводит эти строки так:

² Такой способ «освоения» имени можно наблюдать и позже: напр., Блез Паскаль иногда оказывался Власием Паскалем — ср.: *Паскаль Власий*. Мысли. СПб., 1843.

³ «Он неотесанный, глупый парень» — Из письма Ф. Шиллера Гете от 7.09.1797 г. На современном интернетфоруме М. Буркхардт ставит

Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!.. [Жуковский: 2, 41].

Эти строки чаще всего цитируются и обращают на себя особенное внимание исследователей (почему “sieh da” — «смотри тут» В. А. Жуковский заменил на «слышишь?»). Перемена же имени остается без внимания. Характерно мнение комментатора И. М. Семенко:

В основе древнегреческой легенды лежит характерная для античного мирозерцания идея возмездия. Шиллер ввел новый мотив — воздействие искусства на человеческую душу. Под впечатлением представляющейся на сцене трагедии Эсхила «Эвмениды», в частности — хора Эриний (богинь мщения), убийцы теряют самообладание и выдают себя. У Шиллера убийцы, сидящие в верхних рядах, видят летящих журавлей («Смотри, смотря, Тимофей!»); у Жуковского они еще только слышат их приближающийся крик («Парфений, слышишь?.. крик вдали»). Впечатление ужаса, производимого пением Эвменид, Жуковским усилено. Он вводит выражение «сверкая взором», эпитеты «диким хором», «в сердца вонзающим боязнь» [Там же: 453-454].

Если *Ibykus* В. А. Жуковский передал как *Ивик*, то как должен был бы быть передан *Timotheus*?

Это греческое имя давно вошло в русский имяслов как *Тимофей*. Оно успело обрести разными производными — Тимоша, Тимоха. Можно ли было еще каким-то образом передать это имя, оставаясь в рамках принятой традиции?

В первой четверти XIX в. в греческих именах в русской оглазовке sporadически появляется отражение межзубного греческого звука, обозначаемого θ («тетей» — фитой), в соответствии

вопрос: почему он это сделал? См.:
<http://www.literaturwelt.com/werke/schiller/kraniche.html> Friedrich Schiller- Die Kraniche des Ibycus Forumsbeitrag von Mirjam Burkhardt: Warum wird der Sanger Ibycus getotet? (Geschah der Mord aufgrund von Hass, Missgunst oder Neid?).

с языками, продолжающими латинскую традицию, с помощью *t* [Суперанская]. Напр., иногда появляется *Талия* (*Талья*) вместо традиционного *Фалия* (*Thalia*)⁴. Напр., А. С. Пушкин в стихотворении 1813 г. «К Наталье» пишет:

Милovidной жрицы Тальи
 Видел прелести Натальи,
 И уж в сердце — Купидон! [Пушкин: 9].

Хотя греческие окончания обычно не включались в перенимаемые имена (ср. Сократ, Панкрат / вариант: Панкратий, Денис / Дионисий), А. С. Пушкин мог написать:

Он вышней волею небес
 Рожден в оковах службы царской;
 Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
 А здесь он — офицер гусарской [Пушкин: 371].

Поэтому *Timotheus* (хотя бы как спорадическое образование) могло быть передано как *Тимотеус*. Очевидно, однако, что такое «образование» совсем не подходит к контексту — ни стилистически, ни ассоциативно. Наверное, В. А. Жуковский в момент перевода «Ивиковых журавлей» (1813) еще не знал, что скоро напишет стихи, посвященные Тимотеусу (Тимофею Егоровичу) Боку:

<К Т. Е. Боку>

Мой друг, в тот час, когда луна
 Взойдет над русским станом,
 С бутылкой светлого вина,

⁴ Аналогичный межзубный согласный — напр., *th* в английском в современном русском языке передается то как *[s]*: John Galsworthy — Джон Голсуорси, то как *[t]*: Robert Southey — Роберт Саути. Английские дети до освоения этого звука заменяют его на *[f]* — как в русском языке заменяли греческий межзубный, обозначаемый фитой, на *f*, а в латинском — на *th*.

С заповедным стаканом
Перед дружиной у огня
Ты сядь на барабане —
И в сонме храбрых за меня
Прочти *Певца во стане*.
Песнь брани вам зажжет сердца!
И, в бой летя кровавый,
Про отдаленного певца
Вспомнят чада славы! [Жуковский: 1, 253].

Эти строки В. А. Жуковский впишет 7 апреля 1815 г. в экземпляр «Певца во стане русских воинов» и подарит Тимофею Егоровичу Боку (Тимотеусу-Эбергарду фон Боку). Они были представлены друг другу в Тарту в 1815 г. [Салупере: 57-79], но не исключено, что В. А. Жуковский слышал имя Тимотеуса фон Бока — участника Бородинского сражения, получившего золотую шпагу «За храбрость», — и раньше, может быть, даже знал, что тот читал его «Певца». Но если это было еще только *предчувствие* дружбы, то удивительно, что оно уже как бы исключало для В. А. Жуковского соименность «друга поэта» и «убийцы поэта».

Однако если оставить в стороне «мистическую линию» табуирования имени Тимофея в роли убийцы Ивика при переводе баллады и перейти к ассоциативно-стилистической мотивировке изменения имени антагониста поэта, то становится ясно, что человек со «своим» именем **Тимофей** (*Тимоша, Тимошка, Тимоха*) выглядел бы странно на Истмийских играх в честь Посейдона в VI веке до н.э. И В. А. Жуковский дает **Тимотеусу** Шиллера имя **Парфений**, отражающее древнегреческое имя **Παρθένιος**. Правда, Р. Ф. Брандт выдвинул иной аргумент:

Что Тимофей (для большей ли поэтичности, или ради стиха) переименован в Парфения — дело несущественное, т.к. и Шиллер при выборе имени очевидно руководствовался рифмою: *Timotheus — Ibykus*, которая вдобавок крайне плоха [Брандт: 22].

В примечании Р. Ф. Брандт замечает:

Теперь я сам склонен (после продолжительных колебаний) переименовать Тимофея в Эврисфея, или в Эпигея, или хоть слегка изменить в Тимотея, т.к. для немца Thimotheus — имя экзотичное, а для русского Тимофей — обыденное [Там же].

Имя, которое выбрал В. А. Жуковский для антагониста Ивика, имеет множество ассоциаций, среди которых прежде всего выделяется собственное имя древнегреческого поэта и грамматика **Парфения**, автора элегий и коротких эпических поэм⁵. В таком случае В. А. Жуковский направляет поиск мотивировки убийства Ивика в сторону зависти поэта к Ивику. Парфений убивает Ивика, когда тот признан победителем среди поэтов и должен был быть вот-вот увенчан венцом.

Однако самое известное значение нарицательного соответствия этого имени — «девственный, чистый». Тогда на первый план в контексте баллады выходят признаки «детский, незрелый»⁶.

Нельзя исключать из ассоциаций, связанных с именем «Парфений», и местность **Παρθενία – Партению** на границе Аркадии и Агривии [Суперанская: 168] (Арголиды) — область лесистых гор, далекую «глубинку». Парфений как человек из Партении (Парфении) — это человек из леса, дремучий, дикий⁷.

⁵ Парфений считается последним александрийцем. Захваченный Цинной в плен, он оказался в Риме. Вергилий обучался у него там греческому языку.

⁶ Эту линию мотивировки преступления можно проследить в видеофильме, снятом по балладе «Ивиковы журавли» (на Ивика нападают подростки «от нечего делать» и нечаянно убивают его), а также в имени героя фильма Э. Рязанова «Берегись автомобиля» — угонщика машин **Деточкина**. **Парфений** у Гомера означает «сын девушки» — и здесь нельзя не вспомнить Макара **Девушкина** из «Бедных людей».

⁷ Аналогом этим лесным окраинам в русской традиции могут быть Брянские леса — ср. прозвище «Брянский», используемое в криминальных

Но В. А. Жуковский, выбрав для убийцы поэта имя, ассоциации с которым прокладывают смысловые пути к пониманию характера преступника и мотивов его поведения, **снижает** его семантическую значимость по сравнению с тем уровнем выделенности аналогичного имени, которое задал Ф. Шиллер. С самого семантически сильного места — с конца строки у Ф. Шиллера — В. А. Жуковский перемещает имя Парфения в начало строки — семантически в самую слабую позицию. Имя Ивика оказывается таким образом более значимым, но вся сила внимания в этой ключевой фразе баллады сосредоточена на «**вдали — <...> журавли!**». Именно журавли — «стражи Зевеса» — воплощение того знания, которое изрекает хор Эвменид:

Не мните скрыться — мы с крылами;
 Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
 И, спутав вас в своих сетях,
 Растерзанных бросаем в прах.
 Вам покаянье не защита;
 Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
 Терзать вас будем до Коцита,
 Но не покинем вас и там [Жуковский: 2, 41].

Имя Парфения, употребленное в ослабленной позиции, на фоне такого «карательного эскадрона журавлей» превращается в аноним. Даже сопровождающий его **клевет** больше выделяется в таком контексте.

Усиливая мысль Ф. Шиллера о роли воздействия искусства на душу человека и о театре как «духовной лечебнице», В. А. Жуковский постарался сохранить образ Ивиковых журавлей, отфильтрованный античной традицией (ср. в латинском крылатое выражение *Ibuci grues*, в греческом *Ἰβύκων ἐκδικοὶ* sc. *γέρανοι* — Ивиковы журавли, Ивиковы мстители).

играх. Обращает на себя внимание имя Парфена (народный вариант имени Парфений) Рогожина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот».

У В. А. Жуковского изменения при переводе — даже в таких микронных пределах, как рассмотрено в этих заметках, — показывают его сотворчество с Ф. Шиллером, направленное на сохранение традиции и одновременно на усвоение новых тенденций. Много позже, 6 (18) февраля 1848 г., он напишет Н. В. Гоголю: «У меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое».

В дальнейшем В. А. Жуковский только усиливал это сотворчество «своего» и «чужого», апогеем чего стала его последняя поэма «Агасфер»:

Творчество он понимает как процесс превращения чужого текста / замысла, идеи в свой оригинал, т. е. словесное (фонетическое, лексическое, синтаксическое, метрико-ритмическое) воплощение на своем языке (важно подчеркнуть, что не только на русском, но и на языке Жуковского) имеющейся уже в литературе (не важно, в какой литературе и на каком языке) мысли (ей, как правило, соответствует чужой текст) [Киселева: 254].

Образ Ивика из баллады Ф. Шиллера в пространстве немецкого языка стал живым символом поэта. Этим именем и сейчас называется журнал «Ibykus», посвященный поэзии. В представлении журнала редактором, между прочим, говорится: «Das Prinzip der verborgenen Gerechtigkeit, das Friedrich Schiller in seinem Gedicht Die Kraniche des Ibykus beschrieb, ist das Leitmotiv des Magazins»⁸.

В русской традиции имя Ивика как поэта осталось маргинальным⁹, но образ Ивика из баллады Ф. Шиллера в переводе В. А. Жуковского оказался одной из «точек кристаллизации» концепта романтического поэта.

⁸ «Лейтмотивом журнала является принцип сокрытой справедливости, которую описал Фридрих Шиллер в своем стихотворении “Ивиковы журавли”».

⁹ Ср. словарную статью, посвященную Ивику [Дворецкий: 809], где это имя дается как *Ибик* или *Ивик*.

Литература

Брандт — *Брандт Р.Ф.* Об «Ивиковых журавлях» в переводе Жуковского // Филологические записки. 1905. Вып. 1—2.

Дворецкий — *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо — русский словарь. М., 1958. Т. I.

Жуковский — *Жуковский В.А.* Собрание. Сочинений: В 4 т. М.-Л., 1959.

Киселева — *Киселева Л.* Байроновский контекст замысла Жуковского об Агасфере // Новое литературное обозрение. 2000. № 42.

Пушкин — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 1.

Салупере — *Салупере Мале.* К биографии «императорского безумца». Т. Э. фон Бок (1787—1836) в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, 1996. Т. 1.

Суперанская — *Суперанская А.В.* Имя — через века и страны. М., 2007.

Тынянов — *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.

Schiller — *Schiller F.* Werke in drei Banden. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1955. Bd. 2.